

ХУДОЖНИК
И ВРЕМЯСМЕЧТОЙ
НЕ РАССТАВАЯСЬ

В Париже, в Музее современной живописи, есть зал Пикассо. Попав туда, идешь от одной картины к другой и замечаешь, как неутомим художник в своих творческих исканиях. Кажется, что вот это — уже совершенство, предел... Но на очередных полотнах мастер вновь пробует иные приемы и средства. Другой стиль, другие рубежи — поиск продолжается... Бесценное это свойство: постоянная неуспокоенность художника, его способность «конкурировать» с самим собой. Именно эти качества и отличают, наверное, человека, в совершенстве владеющего своим ремеслом. Очень люблю это старое русское слово — обидно, что в него незаслуженно вкладывают отрицательный смысл. Не стоит путать его с ремесленничеством — вежливым обозначением холодного профессионализма, а то и просто халтуры.

Знать свое ремесло — в сущности означает уметь в совершенстве делать нечто такое, что другой сотворить не сможет, в чем отпечатается твоя индивидуальность... Каждый художник должен стремиться к этому. На сцене актер творит образ живого человека, воссоздает — иногда имея в распоряжении лишь несколько фраз — его судьбу. Сфальшивить, обнаруживая скудость ресурсов собственной души, свою холодность — в нашем деле значит потерпеть творческое поражение.

Театр живет в рождающейся сию минуту удивительной по эмоциональной силе связи между сценой и залом, актером и зрителем. Художники, причастные к сценическому искусству, никогда не могут рассчитывать на то, что признание придет к ним позже. Вместе с каждым спектаклем каждый раз безвозвратно уходит живой, постоянно преобразующийся образ постановки. Эта сиюминутность театра требует от артиста, от режиссера вечно свежего, молодого ощущения и восприятия сегодняшней жизни. Завоевать же сердца тех, кто живет рядом, может лишь художник, особенно остро чувствующий свою связь с землей, его породившей, с ее людьми, их радостями и болями.

Какая великая мера ответственности... И как непросто часто она оказывается для нас слишком высокой. Случается, автор берет важную тему, оперирует дорогами для всех понятиями, искренне верит в значимость своих творческих намерений, а зритель тем не менее остается равнодушным. Искренность в искусстве, как известно, — непереносимое условие творчества, но сама по себе она ничего не обеспечивает. Поэзия, говорил Белинский, поучительна и полезна, но для этого она должна быть сначала поэзией. Так и в театре: нужен свой, собственный мир оригинальных образов и ассоциаций, нужно глубокое чувство времени, безупречное умение переводить на язык искусства самые сложные жизненные понятия.

Немало опасностей подстерегает человека, вступившего на стезю актерской профессии. Ох, как нелегко бывает ино-

гда уберечься от «тиражирования», повторения в разных ипостасях самого себя! Приметившие твою индивидуальность кинорежиссеры порой эксплуатируют ее как одну из «красок» своего фильма, и ты, подчас сам того не замечая, превращаешься в штамп, в артиста «на потребу»...

Особенно сложны эти проблемы для тех, кто начинает свой путь. Для педагога, берущегося за воспитание актеров, одинаково насущно привить молодым и профессиональные навыки, и негасимую жажду познания мира, мучительное чувство святого недовольства самим собой. Без этого нельзя стать в искусстве личностью со своей жизненной темой, собственными нравственными критериями.

В прекрасную пору ученичества переживаешь трепетное удивление перед масштабами своей профессии, ее возможностями. В начале пути человек, как правило, ставит перед собой большие задачи, веруя, что именно ему по плечу яркие свершения. Театру вечно необходимы ученики, как необходимы дети каждой семье. Станиславский писал, что после «томительных застоев» в сценическом искусстве обязательно наступает момент, когда «природа выбрасывает целую трупку, а к ней впридачу и писателя, и режиссера, и все они вместе создают чудо, эпоху театра». Так случилось, например, когда в МХАТ пришли молодые актеры его второй студии — в Художественный вдруг «взорвался» талантливыми спектаклями «Горячее сердце», «Дни Турбиных», «Женитьба Фигаро»...

Время неумолимо. Кажется, только вчера был самым молодым в театральной семье «Современник». И вот совсем скоро нашему коллективу исполнится двадцать лет. Возраст ответственный и даже опасный: известные авторитетные высказывания о том, что век театра измеряется творческой жизнью одного только поколения. «Ветераны» недавно юного «Современника» уже начинают возлагать надежды на свою смену.

Очень хочется, чтобы те, кто сегодня вливается в наш коллектив, органично восприняли традиции «Современника», самый дух творческого единения и вместе с тем привнесли свое, личное понимание актуальных проблем жизни. Я говорю лишь о столичном «Современнике», потому что работа здесь, по моему мнению, — проблема воспитания творческой смены, а значит потребность поиска, эксперимента, если хочешь, риска в одинаковой мере стоит перед каждой труппой и перед всей нашей огромной многоязыковой театральной державой. Если сцена — кафедра, своего рода университет человеческой жизни, то какими же высокими критериями мы — те, кому дано право выходить на сцену, — обязаны выверять свою собственную жизнь, как чутко должны следить за каждым росточком будущего...

Повышенный интерес к этической проблематике, осмысление человеческой судьбы в ее многомерных связях с социальной действитель-

ностью, с нашим временем — важные черты современного театрального процесса. Благородная задача советского театра — способствовать совершенствованию нравственности, накоплению духовных ценностей общества, строящего коммунизм. На мой взгляд, сегодня, когда материальные условия жизни народа неперестанно улучшаются, этот аспект творческой деятельности становится все более важным.

Герой нашего времени — это сложная личность с богатым духовным миром, с развитым нравственным чувством. Здесь мне хочется вспомнить о пьесах Александра Вампилова, одного из талантливых представителей молодой драматургии, своеобразного художника, так трагически рано ушедшего из жизни.

Герои вампиловских произведений — Колесов из «Прощания в июне», Шаманов из пьесы «Прошлым летом в Чулимске» — привлекают своим стремлением встать выше житейских обстоятельств, жаждой бороться за право человека активно, творчески влиять на все происходящее вокруг него события.

О необходимости для человека требовательно, строго относиться ко всем своим делам и поступкам, жить, что называется, по совести, стремились мы сказать в спектакле «Восхождение на Фудзияму» по пьесе Ч. Айтматова и К. Мухамеджанова. Не скрою: отношение к этой постановке со стороны зрителей и профессиональной критики далеко не однозначно, но для нас очень важен тот факт, что она никого не оставила равнодушным, наталкивает на размышления о важных вопросах жизни. Повествуя о судьбах героев пьесы, драматурги вызывают к чувству правды, ко всему лучшему в нашей советской действительности, заставляют каждого из нас беспристрастным взглядом посмотреть на самого себя... Этой идеей, как мне кажется, глубоко проникся наш коллектив.

Высокого гражданского звучания нравственной темы нам хотелось бы добиться в каждом своем спектакле. На этом пути мы ведем поиски, порой ошибаемся и вновь настойчиво ищем.

Скоро наш народ будет отмечать великий праздник — тридцатилетие победы над фашистской Германией. Этому событию театр собирается посвятить трилогию, куда войдут новая пьеса М. Рощина, рассказывающая о подвиге наших матерей, драматическое произведение К. Симонова «Из записок Лопатина» и «Вечно живые». В Розова, пьеса, с которой когда-то начался «Современник».

Сейчас, как и в пору зарождения нашего театра, мы мечтаем... Мечтаем создать такой спектакль, который приобщал бы зрителя к тревогам и заботам века, чтобы по его окончании и актер, и зритель могли сказать: трагедия народа, его праздник — все это было лично со мной. Рождение чувства сопричастности — вот что, на мой взгляд, особенно дорого и ценно в искусстве.

Олег ТАБАКОВ.